Олег Павлов
ДНЕВНИК
БОЛЬНИЧНОГО
ОХРАННИКА
ВРЕМЯ

Олег Павлов

Дневник больничного охранника

«WebKniga»
2012

Павлов О. О.

Дневник больничного охранника / О. О. Павлов — «WebKniga», 2012

«Дневник больничного охранника» – новая книга лауреата премии «Русский Букер» Олега Павлова, автора романов «Казенная сказка» и «Асистолия» – продолжает его пронзительную исповедальную прозу. Это хроника приемного отделения обыкновенной московской больницы. Между «Записками из мертвого дома» Достоевского и «Колымскими рассказами» Шаламова прошло ровно сто лет, и легко догадаться, сравнивая данные этих двух контрольных точек, какой путь прошло русское общество, в какую сторону двигалось… От «Ракового корпуса» Солженицына до «Дневника больничного охранника» Олега Павлова – дистанция всего в полвека.

© Павлов О. О., 2012
© WebKniga, 2012

Содержание

Сентябрь 1994 – ноябрь 1995 6
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Олег Павлов
Дневник больничного охранника

Полутемная больница.
Медсестер пустые лица.
Санитаров пьяный бред.
Инвалидам сладко спится:
никому из них не снится
переломанный хребет.

Кружит девушка в коляске.
Ей, мужской не знавшей ласки,
хоть собой и хороша,
все бы, глупой, строить глазки,
выпавшей, как в страшной сказке,
со второго этажа.

Слез непролитые реки
здесь взорвать должны бы веки
бедных юношей. Но вот
странный, жуткий смех калеки,
затвердившего навеки непристойный анекдот.

Нет надежды ниоткуда.
Тем в колясках и не худо,
этот сдался без борьбы,
этот верует покуда,
что его поднимет чудо
прежде ангельской трубы.

Боже праведный и славный,
если только разум здрав мой,
просьбу выполни мою:
всем, разбитым смертной травмой,
дай удел посмертный равный —
посели в Своем раю.

Исцеляющим составом
проведи по их суставам.
Не подвергни их суду.
Всем им, правым и неправым,
босиком по вечным травам
дай гулять в Твоем саду.

Игорь Меламед, из книги «Воздаяние»

Сентябрь 1994 – ноябрь 1995

Врачи-реаниматоры спасли жизнь богатенькому. Тот в благодарность подарил видеомагнитофон. Один на всех, всей отличившейся бригаде. И вот из реанимационного отделения по ночам раздаются каждую ночь стоны, – но это смотрят порнуху.

Медбрат подъедался в приемном покое – паренек плюгавый и неуравновешенный. Налили ему сестры винца, а он со стакана опьянел. Опьяневши – а дело было глубокой ночью – поднялся на этаж, то ли в терапевтическое, то ли в неврологическое отделение, где принялся вытрясать больных из коек, выстраивая, перепуганных, в коридоре. И люди-то никак ему не перечили, позволяя строить себя. Только один мужик что-то понял: вышел из строя – и молча дал ему по морде.

Лифтер Дмитрий Михайлович. В грязном и драном белом халате, но сам про себя говорит – и очень этим гордится, – что его принимают сторонние люди за медработника, чуть ли не за врача. Пьет и спрашивал у меня совета, что ему лучше пить, как у молодого поколения, а то он в современной водке не разбирается. Говорит, купил что-то с рук и отравился страшно, чуть не умер. В больнице четыре этажа, на каждом ему хоть по пятьдесят грамм, но наливают. Поэтому можно сказать, что лифт его не только кормит, но и поит. В лифте же он и спит, это по ночам. Михалыч работал электриком, под пенсию нажил грыжу и пустился по работам, будто по миру. Был кем-то в троллейбусном парке, работал сторожем ночным в шашлычном заведении. В спайке с ним работают еще трое мужичков, это лифтерами. Один коммунистических убеждений, до сих пор подписывается на «Правду», и говорят, что доброй души человек, а другой – сволочной, да беспартийный. Что особенно выделяется в Михалыче, так это охота, с которой он напрашивается на угощенье, и то, что он никак не стыдится сахару выпросить или сигарет. Такое впечатление, что его халява происходит из любознательности. И за все он очень благодарит – чувствуешь себя чуть не спасителем, чуть не богачом, что дал ему сахару или сигарету. Еще он читает книги, как сам выражается, «познавательные», – это когда не отягощен жаждой выпить, то есть выпил уже где-то, перехватил и довольный, или когда отдыхает после многодневного запоя. Начитавшись, любит мысли изрекать и заумные слова, которых не понимает, глотая, наверное, как водку, от которой всегда только хорошо – нежно и печально на душе. Тут он прочитал книгу из купеческого быта, про московских купцов, какой они жизнью жили, и сделал для себя с удивлением вывод: «Зря большевики революцию устроили, потому что у всех все было».

Иногда бездомные, то есть бомжи, умирают на санобработке: останавливается сердце, если после переохлаждения, когда привезли с улицы, сразу же погружают в горячую воду. Но кому это важно. Что человек, что труп – для больницы все едино, свою-то работу сделали.

Девушки из деревень подмосковных, у нас они сестрами. Говорят «здеся», «тута», красятся грубо – например, наводят голубые ресницы. Матерятся по-мужичьи, порядком ленивы, любят выпить, а курят скорее с неохотой, без души. При всем том довольно застенчивы, терпеливы и если заговаривают с тобой о чем-то, то с искренностью, которой не встретишь в помине у городских девиц.

Мой расстроенный напарник: не стал свидетелем на свадьбе у друга, потому что будущая жена посчитала, что у него плохой костюм.

Охранник, совсем молодой парень, рассказывал о своем деде: «Ну что я могу сказать… Падла, он и есть падла». Дед, как я понял, полковник милиции в отставке, давно на пенсии, лет под восемьдесят, но на удивление живуч. Всю свою семью презирает, «для него если человек не полковник, то значит, говно». Самое забавное, что говном-то он считает чуть ли не всех, то есть он делит всех людей, а не только военных, на полковников и неполковников. Вот если представить, что будет с таким человеком, когда ему действительно повстречается генерал, – каким верхом самоуничижения это должно выглядеть и каким, в сущности, жалким и даже трогательным предстанет перед нами этот упертый отрицатель, этот вечный милицейский Полковник. И вот еще картинка из жизни. Когда с дедом сделалось наконец плохо, то внучку позвонила в Сочи, где он отдыхал, его мать с такими словами: «Боря, дед умирает, срочно приезжай. Из всей семьи он к тебе лучше всего относится, нам надо дачу, машину на твое имя переписать, а то ни черта не останется». Парень срочно вылетает в Москву, а дед хоть и в реанимации лежит, но в полном здравии: всех кругом кроет, даже врачей, над всей семьей скорбящей со зверской силой измывается.

В реанимации умер богатый армянин. Спустили его в морг, и как раз подвалила труповозка, увозить от нас на вскрытие. Загрузили трупы двух мужиков на одном корыте, безногий был и толстый такой, – пошли они в обнимку. Еще загрузили старичков – а армянин шел последний. Санитары с ним-то долго возились: пересчитывали золотые зубы, с них за это спрашивают, а у армянина чуть ли не весь рот золотой, они даже употели, считать неудобно, темно во рту – всегда жалуются, – а тут «клад». Это их словцо… «Витька, клад!» – «Ага, полный рот».

Покойники кажутся невероятно тяжелыми в сравнении с тем, как если бы тот же человек был жив, – и это понятно, даже объяснимо; мертвеца тяжело ворочать, потому что из человека уходит вся его какая-никакая ловкость, движимость. Но вот первый взгляд на мертвеца пронзает тем, что видишь, как же вдруг почти до невесомости полегчали черты человека и сделались чуть не восковыми, хоть бери и вылепливай его из этого воска заново; и ничего тут не докажешь, ничего в точном смысле этого слова не поймешь, но живая тяжесть, она и жизнь, – это в глядящих человеческих глазах, в том выражении, которое они в себе несут, и в дыхании, хотя и оно, как воздух, почти ничего не весит.

Принесли прямо с улицы человека – у того случился инфаркт, но его даже не успели в приемном покое толком принять, он так на каталке и умер. Откатываем подальше с глаз, в бытовку. А молоденькая, почти девчонка, медсестра просит помочь связать его: покойникам связывают ноги, руки, подвязывают челюсть, чтобы они приняли как бы правильное положение, иначе закоченеет – и конечности эти не выправишь, не согнешь. И вот сестра связывает руки – так ловко, что я пережил мгновенное потрясение, как обожгло: еще девочка, откуда в ней эта ловкость?! И вдруг так же неожиданно и с той же опустошительностью понял, чего и понимания-то никакого не требовало: она же тут не первый день, а ловкая такая потому, что уже набралась давным-давно опыта, поднаторела.

Уборщица пожаловалась, что ей является во сне муж, – горький был пропойца и помер от рака. Передавала свой с ним разговор.

– А как живется вам, Свет?

– Ничего себе живется, Миша, живем…

– А как у вас с колбасой?

– Нету.

– А сыр и масло у вас есть?

– Да нету, мы без них.
– А у нас все есть.
Так он говорит ей, вдруг поворачивается и уходит в темноту.

Маленькая девочка спрашивает о матери, которой сделали операцию: «А мама будет жить от начала и до конца?»

В больницу привезли совсем древнюю да и больную бабку, но была она в сознании, к тому же ее сопровождала и всячески заботилась о ней по ходу всех обязательных процедур дочь. Бабка была вся укутана, из платков и шерстяных одеял торчал буквально один сизый нос. Сделали ей рентген, взяли на анализ кровь, прослушали, конечно, и кардиограмму сделали – словом, она в больнице уже так с два часа. Когда уж все закончилось и осталось дооформить больничную карту, то бабка, замлевшая и оставленная наконец в покое, проговорила из одеял: «Зинк, а можно мене здесь остаться? Так хорошо, хоть помирай». Покуда ее не отправляли в отделение, она еще и запела. «Зинк, а Зинк, ты подпевай мене, чего ж я одна…» Когда повезли в коляске, то петь перестала и до того сморилась, укаталась, что даже вздремнула. В палате кровать застилается под человека; как поступит в палату, так и станут стелить. Санитарка стелет белье и покрывает матрац холодной клеенкой. Дочь той бабки просит клеенку убрать, а санитарка делает свое и огрызается: «Она обоссыться, а откудова я новый матрас возьму?» И тут опять бабка подает голос: «Гражданочка, со мной никогда этого не бывало и сегодня не будет». А санитарка знай свое: «Видала я вас, сначала не будете, а потом…»

Каждое утро в приемное приходят женщины: записываются на аборт. Долгое время – пока не уволили – оформляла их Егоровна. Но никто не знал, что баптистка. Так вот, приходят женщины – а она их начинает отговаривать от детоубийства безбожного, пугает смертным грехом. Кого-то до слез доводит, кто-то ее уже чуть не матом от себя отгоняет… В общем, дурдом, ведь это все-таки больница. Удивительно, что работа ей очень нравилась. Но жалоб столько поступило, что поперли совсем из больницы. И она, кажется, счастлива, что так пострадала. В последний день зажгла на посту свечку и молилась с песнопениями за всех убиенных в этой больнице детей.

По трупам имярек пишут зеленкой; надписи на х/б вытравляют хлоркой; на кастрюлях пищеблока малюют номерняки отделений масляной, всегда отчего-то кроваво-красной краской; подушки, простыни, пододеяльники, халаты, полотенца штампуют, будто бумажно-важные, той же печатью, что и больничные листы, акты о приемке вещей, свидетельства о смерти, накладные и т. д.

«Это величайший человек, называйте его, как и я, только по имени-отчеству, Владимир Федорович!» – так выражается пьяный лифтер о некоем Иванове, подсобном рабочем при пищеблоке, который в прошлом был преподавателем в политехе и чуть не кандидатом наук, но по никому не известной причине ушел на дно жизни, спился и только был окружен в подсобке каким-то торжественным, пьяным уважением работяг – те его почитали и очень гордились дружбой с ним: у них там в подсобке свой профессор, так что знайте!

Медсестра новенькая рассказала – устроилась к нам, а до этого работала в платном детском саду. Платный – это где забота и уход гарантируются более чем высокой оплатой. Так вот, воспитатели настраивают детей против родителей, потому что им это очень выгодно. Настроенный против своих родителей, ребенок не хочет возвращаться домой и устраивает

истерику, чтобы оставили ночевать в детсадике, где ему «хорошо». Эта услуга, когда детей оставляют на ночь, стоит пять долларов. Чем больше таких детей и ночей – тем больше, получается, доход детского сада.

«Он много выпивал, и она решила с ним расстаться» – из возвышенного рассказа санитарки о своей подруге. Или: «Вот нерусский, а так ее любил, так за ней ухаживал, что мы все удивлялись».

Тут узнал, что самую большую зарплату в Советском Союзе, это по КЗоТу, получал пилот аэросаней: водитель, он же в некотором роде и пилот, да еще надбавки северные.

В больнице много лет работал Володя Найденов – безвозрастный полоумный мужик, его любимой присказкой было: «Иди домой!». Собутыльники называли его Вольдемаром. Он выполнял самую черную работу – дворником, в морге, санитаром и чего еще только не переделал. Сам говорил, что его бросила жена. Выпивал, но безобразно пьяным я его никогда не видел. Ходил в списанной хирургической робе зеленого цвета, – летом хорошо, а зимой сильно мерз, но телогрейку никто и не подумал ему выдать. На выпивку собирал в больнице бутылки, в общем трудился – таскал огромные сумищи бутылок, будто вол. Как он выражался, «будет к водочке еще и пивка бутылка». Никому вреда он не приносил. Больница была его домом, он и провонял ею до корней волос: хлоркой. Говорили, что он остается ночевать в морге и спит на бетонной лавке между трупов, к которым относился будто к меньшим братьям, так порой казалось. Его пьянку вроде бы терпели, с ним свыклись. Но все же потихоньку выжили его – и когда в морге поставили дорогое английское оборудование, с катафалком и холодильными камерами, то Володе уже его не доверяли, отдали молодым нагловатым санитарам. Потом он с кем-то повздорил из начальства. Никто о нем не вспомнил – тут же рассчитали. Он не поверил и еще месяц работал, как и всегда. Его этот месяц не прогоняли, будто бы забыв, а в зарплату на него не оказалось ведомости, только под расчет. Он получал тогдашними деньгами сорок тысяч – это десять бутылок пшеничной водки. В тот день он в гинекологии бился головой об стену, было с ним что-то вроде приступа, его еще положили отдохнуть. В общем, он был нужен только тогда, когда делал такую работу и в таких условиях, на которую охотников не нашлось. В морге он был нужен, а после английской техники с ним и рассчитались.

Из моих разговоров с Володей. Спросил, отчего он не курит, а он ответил, что у него «барахлит», имел он в виду бронхит; «хоть пустые, и то хорошо» – ответил, когда над ним подшутили, что сдает полные бутылки; везде пытается устроиться на работу, а никто не берет; рассуждал, сколько раньше можно было купить на тысячу; рассказывал, как мальчиком ходил в ГУМ и простудился от мороженого; отнес бутылки, а его завернули обратно, сказали, чтоб пришел через час; выгнали его в общем за каталку, и еще его невзлюбила Евдокия, кладовщица из подвала; про больницу говорит, что привык к ней, оправдывается за частные свои визиты, и еще у него остался один ключ от какой-то каморки, то ли кладовки никому не нужной, где он остатки своего добришка прячет и те бутылки и куда ходит, как на работу.

Еще про Найденова: когда просят – все делает, угодлив, но через время начинает деньги за это клянчить, так что ему дают поневоле, чтобы отстал. У него есть дочь. Ребенку он никак не помогает, пропивая все до копейки – так и пьет, именно «до копейки». В этом пьянстве, когда все пускаешь по ветру и ничего не оставляешь, есть все же что-то искупляющее. В день получки бывшая жена разрешает Володе вые…ть ее, если даст денег. Живут они в одной коммуналке, которую, разведясь, не смогли никак разменять – он, она, их дочь. Живут в

разводе уже годы, но живут в той же комнатушке, имея почти все общее – воздух, утварь, стены и т. д.

Еще о Володе: отсидел когда-то полтора года за якобы кражу бесхозного холодильника; его мысли о бомжах – «ведь у каждого была когда-то своя квартира», сам он очень боится, что однажды заставит кто-то продать квартиру и сделает бомжем, поэтому боится бывшую жену; всячески защищает Евдоху – всех защищает, кого боится и кто над ним издевается; его рассказ про увольнение – как она час держала его трудовую книжку в руках и уговаривала остаться на работе, еще подумать, – и это он врет; он, как оказывается, работает в больнице уж двадцать лет и пережил двух начальников.

Труповозы называют тучные трупы «кабанчиками». А тощие никак не называют – для них это всегда какая-то радость, неожиданная, что тощий; что легко будет и уместить, и тащить.

Привезли старика с истощением. Все время просился домой, упирался. Его помыли, чего он не хотел. Медбрат бил его в грудину со злости, что пытается подняться с каталки. Этот Альфред, его сразу стали называть Аликом, все время что-то пытался сказать, но услышать его уже было невозможно: ртом двигает, мучается, а ничего кроме свистящего хрипа не слышно. Я его наугад спросил: может, хочет домой, – и он удивленно закивал головой. Я был единственным человеком, кто его услышал. А потом его положили в отделение, хотя говорили, что везут домой. Вечером он умер, а дома у него вроде как и не было – его же привезли с истощением и со следами, ребра будто свинцовые – похоже, что палкой лупили.

Мужик и баба, лет сорока, пропитые, приводят бабку – свекровь, а тому мать, с переломом челюсти. Выяснилось, что они же ее и побили. Но бабка от больницы отказалась – и те обрадовались: они отчего-то боялись, что бабку госпитализируют, может, думали сдуру, что тогда их засудят. А бабка лечиться ни в какую не хотела, ругала всех матерно, что не пойдет. Ей пригрозили, что умереть может от загноения, но ей не терпелось выпивать дальше в своей семье, в которой все помирились.

Был непостижимый диалог, связанный с золотыми зубами, когда санитарам требовалось их все сосчитать, до семи, а не смогли – пять на виду, а остальные черт-те где глубоко. Замаялись – челюсть свело, как разжать? И стали спорить. Дескать, возьмешь труп, а окажется, что зубов и нет. А наши обижаются – сдурели, что ли, зачем нам зубы, не брали, мы ж не звери, чего сомневаться. А эти уклоняются – не брали-то не брали, а если где-то по дороге своровали. В общем мыкались, а потом один из перевозчиков махнул рукой – ладно, Вась, бери, если что, рассчитаемся за два зуба из своей зарплаты, хрен с ними, наша совесть чистая.

Пьянь. Привезли его чуть живого. Человечище, с громадными выпученными глазами. Тыщонка зажата в кулаке. Как он смирно улегся спать, когда перевалили голого в койку, а наутро проспался, то есть помер. И еще: все хранил, даже квитанции из вытрезвителя чуть не пятилетней давности. Хотели снять с него трусы, не давал – цеплялся, расставлял козлом ноги. А их взяли, трусы эти, да на нем же лоскутами порезали. Только клок и остался в его кулаке. Видимо, понял, как его ловко обкорнали, – и глаза до того слезно выпучил, что в них было глядеть невозможно. Так и увозили – в одном кулаке клочок трусов, а в другом эта тысяча зажата. То, что не отдал. Через день нас вызывали в терапию – уже труп. Кулаков не разжать. Выдавали труповозам, рассказали всю эту историю – они смеются – и оставили так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.